

Прошло десять дней с итогового экзамена, и школьники наконец ушли на каникулы. Поселок Таосивань находился далеко от школы Циншуй, поэтому во время учебы Тао Си жил в общежитии и возвращался домой один раз в месяц. Он как обычно сложил одежду и учебные материалы в большую сумку, сел на автобус и отправился в долгую поездку.

Таосивань — самый отдаленный поселок в уезде Циншуй. Экономически бедный, но невероятно красивый. Здешние пейзажи поистине завораживают: на вершинах гор расстилаются бескрайние чайные плантации, в горной впадине величественно тянется река Цуншуй, а вдоль берега растут сотни персиковых деревьев и нежно усыпают воду розовыми лепестками.

Однако местные жители не так беззаботны, чтобы любоваться красотами природы. Чтобы выжить в непростых условиях, им приходится работать и еще раз работать: с самого утра и до поздней ночи. В последние несколько лет сельская местность приобрела популярность у городских жителей, и благодаря интернету в Циншуй стало приезжать большое количество туристов, художников и фотографов, а следом за ними — ушлых предпринимателей, которые стали развивать здесь агротуризм.

Дом Тао Си стоял на полпути к вершине горы, совсем рядом с рекой Циншуй. Одноэтажное кирпичное здание с белыми стенами и серой черепицей ничем не отличалось от других деревенских домиков. Мать Тао Си по имени Го Пин и отец Тао Цзянь родились в Циншуй, были детьми крестьян и всю жизнь продолжали их дело. В свободное время Тао Цзянь трудился то тут, то там, а Го Пин подрабатывала на чайной плантации или гидом в туристический сезон. Младшая сестра Тао Лэ, которой в этом году исполнилось тринадцать, все лето беззаботно отдыхала на каникулах и по возможности помогала родителям.

С самого детства Тао Лэ обладала острым слухом. Уловив движение снаружи, она пулей вылетела за дверь навстречу любимому брату и заключила его в крепкие объятия. Тао Си испугался, когда девочка выскочила за порог. Он взял ее за руку и быстро завел в дом, и только тогда обнял в ответ.

— Не выходи на улицу, сегодня очень солнечно. — Он поставил сумку на пол, закрыл деревянную дверь, а затем повернулся и внимательно осмотрел личико Тао Лэ.

Пухлая девочка даже в такую жару была одета в длинную кофту и плотные штаны. Ее короткие выщипанные от природы волосы лоснились на свету, а большие миндалевидные глаза горели от радости жизни. В самом центре симпатичного лица выделялось яркое красное пятно в форме крыльев бабочки, которое тянулось от переносицы до края круглых щек. Тао Лэ болела красной волчанкой и нуждалась в особой диете и дорогостоящем лечении.

— Братик, я слышала от одноклассников, что на этот раз ты занял первое место в районе! Значит, с началом учебного года ты переведешься в школу Вэньхуа?!

Тао Лэ уже давно ушла на каникулы. По вечерам, когда солнце становилось не таким ярким, она помогала Го Пин собирать листья на чайной плантации и каждый день с нетерпением

ждала возвращения любимого старшего брата.

Услышав слова сестры, Тао Си удивился скорости, с которой распространялись слухи. Наверняка, они уже долетели до ушей Го Пин. Но так даже лучше: меньше придется объясняться.

Тао Си сдержанно кивнул на вопрос сестры. На его лице не осталось былых радости и возбуждения, и даже могло показаться, что он вовсе не рад переводу в другую школу. Но на самом деле он просто не хотел сюда возвращаться и, переступив порог дома, почувствовал, как хорошее настроение тут же улетучилось... Только желание увидеть Тао Лэ толкало его каждый месяц приезжать в это место.

После захода солнца брат и сестра собрали высушенные на улице чайные листья и разложили по тканевым мешочкам. Чуть позже, когда Тао Си почти закончил готовить ужин, с плантации вернулась изможденная Го Пин. Она взяла эмалированную чашку, сделала несколько глотков холодного чая и устало прошла на кухню.

По молодости Го Пин была бойкой и острой на язык, но с возрастом ее характер изменился. И это совсем неудивительно: последние двадцать лет она только и делала, что тяжело трудилась. Из-за ежедневной работы под палящим солнцем ее темная кожа стала сухой и безжизненной. Как бы Го Пин ни старалась, она больше не могла вернуть ей прежние мягкость и упругость. Ее красота угасла, а вместе с ней потухли некогда красивые большие глаза. Теперь прежнюю Го Пин трудно узнать. Говорливая и дерзкая женщина стала молчаливой и скучной.

Го Пин взглянула на сына, который на нее даже не обернулся. С самого рождения кожа Тао Си была белой, и даже многолетняя работа в полях под открытым солнцем не оставила на ней ни следа крестьянского загара. Этот мальчик слишком отличался от них и больше походил на тех педантичных художников и фотографов, которые приезжали в деревню, чтобы отдохнуть, порисовать и пофотографировать, или на тех богатеньких отпрысков из столицы, которые умели лишь сорить деньгами.

— Я услышала новости от сына сестры Чжан. Это правда? С началом учебного года тебя переведут в школу Вэньхуа?

Го Пин тихо села на табурет напротив печи и протянула руки к топке. Ее голос прозвучал холодно и отчужденно, совсем не так должна говорить любящая мать, которая почти месяц не видела сына. Тао Си все еще орудовал кухонной лопаткой и стоял к матери спиной. Он совсем не хотел смотреть на Го Пин, потому что прекрасно знал, каким сейчас выглядело ее лицо. Тао Си был согласен с ней: судьба порой бывает слишком ироничной.

— Да. Каждый месяц мне будут платить стипендию в размере полторы тысячи юаней. Восемьсот юаней я буду переводить для Лэлэ, потратить их на врача и лекарства, — без малейшего колебания ответил Тао Си.

Го Пин ничего не сказала. Она взяла щипцы, зажала ими полено и отправила в топку. В ответ

на молчание Тао Си взорвался от гнева так же стремительно, как затрещала деревяшка в печи. Он всем сердцем ненавидел эту черту Го Пин: показную молчаливость, в которой так и читались лицемерные мягкость, терпение и уступчивость. Каждый раз слыша в ответ напускную тишину, он просто лопался от желания сказать что-нибудь грубое, уязвляющее, то, что могло расколоть эту непроницаемую маску.

— Не переживай, я не стану искать твоего настоящего сына и разрушать его счастливую жизнь. Город Вэньхуа слишком большой, и даже если бы я захотел это сделать, все равно бы не смог.

— Я и не думала об этом, — возразила Го Пин.

«Не думала, как же», — усмехнулся про себя Тао Си. Он недовольно фыркнул, но в конце концов ничего не сказал в ответ.

...Летние каникулы длились всего тридцать дней, и у Тао Си совсем не было времени отдыхать. Не считая работы в полях и хлопот по дому, он каждый день занимался и повторял конспекты. Кроме того, ему все еще приходилось помогать Тао Лэ с домашней работой. Из-за издевательств девочка редко посещала занятия, поэтому пробелов в ее знаниях было слишком много.

Каждый раз когда у Тао Си появлялось свободное время, он позировал приезжающим студентам-художникам и брал за работу натурщиком по сто юаней. Поскольку у Тао Си, помимо прелестного личика, был хорошо подвязан язык, то ему почти всегда удавалось получить немного чаевых. Бывало, что и фотографы нуждались в модели, в этом случае гонорар за работу Тао Си выходил намного выше. Поскольку все фотографы любят докапываться до сути и жаждут добыть больше информации, они начинают расспрашивать Тао Си о его доме, о семье, об условиях жизни в целом. Конечно, все это они делают не из праздного любопытства: они хотят углубиться в идею фотографии и сделать более осмысленные снимки. Тао Си прекрасно понимал психологию фотографов, поэтому пытался пойти навстречу их тайному желанию найти в судьбе модели что-то интересное и начинал выдумывать небылицы. Их сюжет каждый раз был одним и тем же: о том, как он, бедный сиротка, сводит концы с концами.

Время от времени Тао Си садился в поле рядом со студентами-художниками и начинал рисовать. В этом случае девушки и парни щедро одалживали ему бумагу, карандаши и краски.

— Вау, братишка, говоришь, что даже не учился рисовать? Да у тебя выходит даже лучше, чем у многих студентов нашей академии искусств!

Несколько студенток, корпящих над пейзажем, отложили планшеты, собрались вокруг Тао Си и оценивающе уставились на его рисунок. Тао Си тут же отложил кисть и смущенно прикрыл планшет рукой. Он не хотел, чтобы кто-то увидел Линь Циньхэ, которого он изобразил.

В центре рисунка за партой сидел молодой человек в белой одежде, слегка склонивший голову

над книгой. За окном пышно цвело персиковое дерево и нежно прикрывало белую сияющую луну высоко в небе.

Тао Си сам не знал, каким по счету был этот рисунок Линь Циньхэ. У него есть целая тетрадь, забитая набросками этого парня, но все они однообразны: либо он стоит, либо сидит, либо читает, либо пишет... Но все потому, что Линь Циньхэ, с которого он рисовал, появлялся перед ним только в этих позах. Правда, между рисунками Тао Си была еще одна схожесть: на каждом из них присутствовала луна.

— Такой красавчик. Кто этот парень? — изумленно спросила одна из девушек.

Тао Си рассмеялся от неловкости и в нескольких словах рассказал выдуманную историю. Закончив рисунок, он поблагодарил студентов за материалы и убежал.

По правде говоря, Тао Си с детства любил рисовать и получал от этого огромное удовольствие. Все выходило у него легко и играючи. Можно сказать, что малыш Тао Си обладал врожденным талантом. Однажды Го Пин заметила новое увлечение сына... В ту же секунду она словно обезумела. Го Пин схватила в охапку все рисунки Тао Си и безжалостно пихнула их в топку. Бумага обгорела за секунды. В тот день Тао Си так сильно испугался, что свалился с температурой. После этого случая он еще долго не решался рисовать. В конце концов, спустя какое-то время он узнал, почему Го Пин в тот день потеряла контроль.

...Летние каникулы быстро подошли к концу. За это время Тао Си удалось заработать две тысячи юаней. Он отдал полторы тысячи на лекарства Лэлэ и оставил себе всего пятьсот на будущие расходы в городе Вэньхуа.

В последние дни августа он собрал вещи и подготовился к отъезду. Тао Лэ крепко вцепилась в брата, не желая отпускать, и слезно просилась проводить до остановки. Тао Си крепко обнял девочку и решительно отказался, затем взглянула на мать и, не сказав ни слова, взял сумки и вышел за дверь.

Длинный автобус прибыл на остановку, и Тао Си направился в среднюю школу Циншуй. Там он должен будет встретиться с преподавателем, который сопроводит его до ворот Вэньхуа.

В школе учителя окружили Тао Си и, словно заботливые матушки, принялась увещевать и всячески подбадривать, да с таким чувством и усердием, будто провожали нерадивого ребенка на фронт. Они настойчиво просили ученика не перенапрягаться и не переживать лишний раз, что бы ни случилось, оставаться спокойным и рассудительным, а также ладить с учителями и одноклассниками.

Пожилой преподаватель китайского языка и литературы всегда с особой теплотой относился к Тао Си. Он передал юноше домашний кунжутный рулет, крепко обнял и дал на прощание несколько наставлений:

— Ты хороший малый. Запомни, что ты ничем не уступаешь ученикам из школы Вэньхуа. Не будь высокомерным и не заискивай, верь в себя и свои силы!

Тао Си не посмел отказаться от угощения и, держа в руках домашний рулет, уважительно поклонился и поблагодарил учителя за заботу. Он любил сладости, но дома всегда отдавал их младшей сестре. Тао Си понимал, что пожилой учитель хотел сказать, чтобы он держался с достоинством в новой школе, но фактически его слова прозвучали иначе: «Не давай им внушить себе чувство неполноценности и не дай себя принижать». В действительности Тао Си никогда не думал о себе как о человеке чего-то недостойном. Даже впервые увидев Линь Циньхэ первое, что появилось в сознании Тао Си, — это желание достичь того же уровня, встать рядом с ним плечом к плечу и стать таким же выдающимся и ослепительным. Он подумал именно об этом, а никак не о своей «неполноценности».

Фэн Юань, который молчал все это время, внезапно решил дать несколько напутствий:

— Дружи с одноклассниками, а если вдруг возникнет конфликт, то не доводи до драки.

В тот же момент Тао Си удивленно округлил глаза и уставился на учителя. Фэн Юань, как никто другой, должен знать, что любознательный и старательный ученик за все время учебы ни разу не ввязывался в драку и ни с кем не конфликтовал. Ну... по крайней мере на глазах у преподавателей.

Фэн Юань прочистил горло от неловкости и добавил тихо:

— Не беспокойся о младшей сестре. В этом учебном году Тао Лэ переведут в класс учительницы Дин, и никто не посмеет ее обидеть.

Дин Фан его жена. Она работает преподавателем китайского языка и литературы и по совместительству является классным руководителем.

Тао Си некоторое время молча смотрел на Фэн Юаня, а затем вдруг низко поклонился всем учителям, поблагодарил за заботу и торжественно объявил:

— Обещаю стать первым учеником из уезда Циншуй, которого примут в престижный университет.

Слова Тао Си не были пустым звуком. Он собирался постараться изо всех сил и оправдать ожидания учителей.

Все еще раз обняли Тао Си и пожелали хорошего пути.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/16036/1430397>